

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК НА СТЫКЕ КУЛЬТУР: РОЛЬ АРХАИЗМОВ, ДИАЛЕКТИЗМОВ И НЕОЛОГИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКО-УЗБЕКСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА У Н. ИЛЬИНА

Шукурова Л.Р. – преподаватель
русского языка и литературы
негосударственного высшего
образовательного учреждения
ALFRAGANUS UNIVERSITY

Ключевые слова: Николай Ильин, поэтика, диалектизмы, архаизмы, неологизмы, поэтический дискурс, межкультурный диалог, лексическая палитра, образная система, русско-узбекский культурный код, языковая картина мира, культурная идентичность, этнокультурная специфика, регионализм, локальность, темпоральность, диалектный дискурс, фольклорные элементы, языковая гибридизация, культурная память, символика, менталитет, образ Востока, мозаичная культура.

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексико-образной системы поэтического дискурса Николая Ильина в контексте русско-узбекского культурного взаимодействия. Особое внимание уделяется роли диалектизмов, архаизмов и поэтических неологизмов как средств художественной репрезентации локального культурного опыта. Автор показывает, что поэзия Ильина формирует уникальное поэтическое пространство, в котором органично сочетаются элементы русской и узбекской традиций, а архаизмы, диалектизмы и неологизмы становятся выразителями глубинных когнитивных и аксиологических структур.

Николай Дмитриевич Ильин родился в городе Златоуст Челябинской области России, однако в раннем возрасте вместе с семьёй переехал в Ташкент. Именно здесь, в столице Узбекистана, ему суждено было в полной мере ощутить

влияние многонациональной и многокультурной среды, что впоследствии существенно повлияло на формирование его научных и творческих интересов.

Формирование профессиональной биографии Н. Д. Ильина неразрывно связано с его многолетней педагогической и научной деятельностью в Ташкенте. На протяжении более двух десятилетий он работал на кафедре русской литературы Ташкентского республиканского педагогического института русского языка и литературы (впоследствии вошедшего в структуру Узбекского государственного университета мировых языков), где зарекомендовал себя как авторитетный специалист в области теории и истории литературы, а также методики преподавания русского языка.

Н. Д. Ильин является автором более 90 научных публикаций, охватывающих широкий спектр проблем, связанных с литературоведением и образовательной практикой в области русской словесности и автором девяти поэтических сборников, среди которых: *«Первая тетрадь»* (2004), *«По клавишам души»* (2005), *«На кочевьях времён»* (2006), *«Обетованная память»* (2008), *«По стопам листопада»* (2010), *«Листва и корни»* (2015), *«Если окно открыто...»* (2017), *«Архивариус осени»* (2020) и *«OST-WEST. До востребования»* (2022), *«Пересекающиеся параллели»* (2022).

Ключевым аспектом литературной деятельности Ильина является его переводческое наследие. В качестве переводчика он внёс значительный вклад в популяризацию узбекской поэзии в русскоязычном пространстве, осуществив высокохудожественные переводы произведений таких выдающихся узбекских поэтов, как Алишер Навои, Бабур, Чулпан, Пахлаван Махмуд, Усман Насир, Абдулла Арипов, Эркин Вахидов, Сирожиддин Саййид и других. Эти переводы вошли в двухтомную *Антологию узбекской поэзии* (2023), что стало важным вкладом в развитие межкультурного диалога и взаимного обогащения литературных традиций.

Литературная и переводческая деятельность Н. Д. Ильина неоднократно получала признание, а его высокая общественная и культурная значимость была

отмечена государственной наградой: в 2020 году он был удостоен ордена «Дружба» по указу Президента Республики Узбекистан.

Творческая деятельность Николая Дмитриевича Ильина — поэта, переводчика и учёного — представляет собой яркий пример успешной интеграции национальных и международных литературных традиций в контексте многоязычного и многокультурного пространства Узбекистана. Его поэтическое и переводческое наследие становится неотъемлемой частью культурного диалога между русской и узбекской литературами, способствуя как укреплению исторически сложившихся связей, так и формированию новых форм художественного самовыражения. В этом проявляется поликультурная специфика современного узбекского общества, в котором активно взаимодействуют и переплетаются различные языковые и культурные коды.

Проблема взаимосвязи языка и культуры на протяжении более века остаётся в центре внимания научного сообщества, являясь одним из ключевых направлений в развитии гуманитарных наук. Как отмечает А.В. Анненкова, «понятийный аппарат современной лингвистики был существенно обогащён терминами, отражающими сложные механизмы соотносённости языка и культурного сознания: «языковая картина мира», «языковое сознание», «языковая ментальность», «языковая личность».¹

И.Г. Гердер рассматривал мышление как форму внутренней речевой деятельности, фактически отождествляя мыслительный процесс с процессом говорения.²

¹ Анненкова А.В. Межкультурная коммуникативная компетенция как цель обучения иностранным языкам в языковом вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 121-125.

² Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. – М.: URSS, 2007. С. 48.

В. Гумбольдт утверждал, что национальный характер находит выражение в специфике языка, который, в свою очередь, оказывает влияние на духовное становление и развитие народа.³

В контексте данных теоретических подходов особую актуальность приобретает поэтическое творчество Н. Ильина, представляющее собой уникальный пример реализации межкультурной коммуникативной компетенции в художественной практике. Опираясь на концептуальные положения Г.В. Елизаровой, можно выделить совокупность ключевых компонентов русско-узбекской коммуникативной компетенции, формирование которой необходимо для успешного функционирования русскоязычного поэта в полиэтническом и полилингвальном пространстве Узбекистана.⁴ Эти компоненты включают:

- знание и осмысление родной культуры как основы индивидуального мировосприятия и поведенческих установок;
- способность к интерпретации и постижению иной социокультурной картины мира;
- умение выявлять и использовать в художественном тексте как различия, так и точки соприкосновения между культурами;
- позитивную установку по отношению к узбекскому языку и его носителям, а также к представителям иных культурных традиций.

Н. Ильин в своём поэтическом дискурсе демонстрирует высокую степень *внутреннего освоения* указанных компонентов, что проявляется в его способности художественно интегрировать элементы узбекской культурно-языковой среды в структуру русскоязычного стихотворного текста. Поэт активно использует узбекские диалектизмы, неологизмы, архаизмы, мифологические образы и символику, тем самым преодолевая культурные и лингвистические границы, а также реализуя в своей поэтике идею межкультурного диалога.

³ Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1985. С. 349.

⁴ Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. С. 260.

М. М. Бахтин, утверждая, что подлинный диалог возможен лишь в случае взаимопонимания двух сознаний, подчеркивает: «вхождение в диалог сознаний (индивидов) достигает сферы духа, только если этот диалог понимается как диалог... культур», и даёт определение: «диалог культур может быть понят в его действительном смысле лишь тогда, когда мы его изначально осуществляем как диалог сознаний, диалог личностей. Дух (и свой и чужой) не может быть дан, как вещь (прямой объект естественных наук), а только в знаковом выражении, реализации в текстах, для себя и для других», Бахтин отмечает: «Можно ли найти к нему, к человеку (В. Б.), и к его жизни какой-либо другой подход, кроме как через создаваемые им знаковые тексты... Физическое действие человека должно быть понято как поступок, но нельзя понять поступка вне его возможного (воссоздаваемого нами) знакового выражения (мотивы, цели, стимулы, степени осознанности и т. п.)»,⁵ а также он утверждает, что этот процесс не ограничивается поверхностным обменом словами, но требует более глубокого взаимодействия культур.

В этом контексте особое значение приобретает способность автора выйти за пределы собственной культурной парадигмы, преодолевая закреплённые в коллективном сознании стереотипы. Эта способность формируется на основе последовательного и глубинного изучения менталитета иной культуры, репрезентированного в языковой системе.

Согласно определению Е.В. Толстовой, «менталитет представляет собой совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и устойчивых форм сознания, обуславливающих способы восприятия и интерпретации действительности, характерные для представителей той или иной социокультурной общности. Он объединяет аналитическое мышление и осознанные когнитивные структуры с полуосознанными культурными кодами».⁶

⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 284.

⁶ Толстова Е.В. Отражение национального менталитета в немецком языке и его воспитательный потенциал // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 2. – С. 284 – 287.

Поэтика, как система выразительных средств, формирующих определенную структуру, представляет собой многогранный феномен, в котором лексика, синтаксис и звуковая организация занимают ключевое место в анализе поэтической формы. В рамках анализа творчества Николая Ильина рассмотрим лексическое разнообразие его художественных текстов, включая употребление архаизмов, диалектизмов и неологизмов. Важно отметить, что Ильин, как и многие другие представители своей эпохи, применяет лексические, метафорические и звуковые средства для организации глубокого диалога между культурами. Его поэзия, насыщенная символами и метафорами, предстает как поле, где пересекаются русская и узбекская культурные традиции, что способствует взаимному обогащению через более осознанное взаимодействие и восприятие.

Стихотворение «Страна бутонных куполов»⁷ отличается высокой поэтичностью и лексической изысканностью, что проявляется в метафоричности, богатстве эпитетов, элементах пейзажной лирики и чертах ориентализма.

Метафоры — «*страна бутонных куполов*», «*стеблей звонких минаретов*», «*вензели распева*», «*заходит солнце золотое, оставив свой огонь листве*», — а также эпитеты — «*бутонные купола*», «*звонкие минареты*», «*полдневная желтизна*», «*знойная тишина*», «*золотое солнце*», «*обилье земное*» — вместе с пейзажными образами создают образ восточной, тёплой страны, напоминающей Среднюю Азию или Восток в целом.

Слово «*вензели*» относится к архаизмам: в современном языке оно встречается редко и используется преимущественно в поэтическом или возвышенном контексте. В образе «*вензели распева*» реализуется метафорическое осмысление звучания как изящного орнамента, что

⁷ Первая тетрадь. Ташкент: Янги аср авлоди, 2004. Сборник стихотворений, - 61 с. С. 6.

свидетельствует о поэтической архаизации — приёме, направленном на создание эстетически утончённой и возвышенной образности

В тексте ощущается влияние восточной лексики, проявляющееся в лексико-семантической окраске отдельных выражений — таких, как «самоцветы тюркских слов» и «минареты», которые отсылают к мусульманской архитектуре и восточной культуре. Хотя эти слова не являются диалектизмами в узком смысле, они создают яркий региональный колорит и обогащают текст этнокультурными реалиями.

Оригинальное поэтическое словотворчество и необычные словосочетания, такие как «буточные купола» и «вензели распева», являются поэтическими неологизмами (авторскими метафорами), поскольку представляют собой нестандартные выражения, не встречающиеся в обыденной речи и созданные поэтом для достижения образного эффекта.

С позиции Л. В. Щербы, архаизмы следует рассматривать как элементы пассивного слоя лексики, которые могут сознательно реактуализироваться в художественной речи. Согласно его разграничению активного и пассивного словаря языка, переход слов в пассивный словарь происходит не вследствие утраты значений, а в результате изменения коммуникативных потребностей.

Таким образом, в поэтической системе координат архаизмы перестают быть «мертвыми» лексическими единицами: они обретают новую семантическую нагрузку и способствуют формированию особого смыслового и эмоционального регистра произведения.⁸

В случае Ильина, напротив, мы наблюдаем сознательное возвращение этих единиц в активный литературный обиход — как акт поэтической воли. В стихотворении Николая Ильина «Сезам» присутствуют архаизмы и лексико-семантические элементы, стилизованные под сказочно-мифологическую речь.

⁸ . Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отдел. Л-ры и языка. 1940. № 3. С. 89-117.

Выражение «Сезам, откройся!», хотя и не является архаизмом в узком лингвистическом смысле, восходит к восточным сказаниям (прежде всего к сказке «Али-Баба и сорок разбойников» из «Тысячи и одной ночи») и функционирует как устойчивое архаизирующее клише, создающее атмосферу волшебства, тайны и древности. Словосочетания «пещера, полна чудес и красоты», «богатств в ней собрано без меры» обладают высоким книжным стилем и приближаются к поэтической архаизации. Подобные образы характерны для эпической и сказочной традиции, включая произведения классической литературы.

Лексика и синтаксис выражений «чуда ждёт», «душу оставит» приближены к поэтическому языку XIX века, отражая возвышенную интонацию и отсылая к мотивам жертвы, судьбы и предназначения.

Ильин использует архаизмы и архаизирующую лексику для создания мифопоэтической атмосферы, усиления драматизма и возвышения сюжета над повседневностью, где образ пещеры символизирует сокровенную сущность любви, а лирический герой предстает как романтический искатель чуда, готовый к самопожертвованию.

Согласно определению М.В. Арапова, приведённом в *Большом энциклопедическом словаре*, пассивный словарь представляет собой «совокупность лексических единиц, чье использование ограничено спецификой обозначаемых ими реалий (например, редкие предметы материальной культуры, устаревшие социальные институты), а также особенностями функционирования в определённых функционально-стилевых регистрах — таких, как книжная, терминологическая или разговорная речь».⁹

В художественных текстах Николая Ильина присутствуют синтаксические архаизмы, в частности инвертированные конструкции: «Я

⁹ Арапов М.В. Пассивный словарь // Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 369 с. С. 110-111.

выскажу город, к которому тянет...» (Ташкент), «Ты отрезвляешь безумца, а мудрый становится пьян» (Гульсанам). Часто используется форма «навек», характерная для церковно-книжной лексики, а также риторические повторы: «Пусть сердце вспыхнет и умрет, / Пусть сердце вспыхнет и умрет...» (Сезам).

Архаизмы позволяют автору реконструировать духовное, архитектурное и языковое пространство Востока. Употребление таких слов, как *махалля*, *арык*, *суфа*, *намаз*, *Фуркан*, маркирует текст как принадлежащий к мусульманско-персидской и тюркской культурной традиции.

Архаическая лексика формирует эффект поэтической ауры, сопряжённой с сакральным и возвышенным, поддерживаемой символикой текста: *солнце*, *купола*, *звезды*, *минареты*, *молитвы*, *свет*, *аромат*. В результате создаётся пространство предельной значимости, в котором поэтическое слово сближается с литургическим.

Как отмечает В.Д. Черняк, индивидуальная лексика является результатом комплекса личностных и социокультурных факторов — таких как возраст, уровень образования, профессиональная принадлежность, читательский опыт, знание иностранных языков и региональная принадлежность.¹⁰

В условиях современной информационной эпохи наблюдается интенсивный процесс маргинализации отдельных слоев лексики, что связано с особенностями социокультурной трансформации и изменениями в механизмах усвоения знаний. Одним из ключевых понятий, описывающих эти процессы, является концепт «*мозаичной культуры*», предложенный французским исследователем А. Моле.¹¹

По Молю, современное сознание конструируется из разрозненных фрагментов информации, не образующих целостной картины мира. На этом фоне поэзия Ильина, насыщенная архаической лексикой, представляет собой

¹⁰ Черняк В.Д. Агнотимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. М.: Азбуковник, 2003. С. 295-304. 400 с.

¹¹ Моле А. Социодинамика культуры / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1973. 290 с.

актуализацию глубинной культурной памяти, где каждый архаизм становится точкой отсылки к утраченному единству культурного знания. Поэтический текст Ильина, таким образом, выполняет компенсаторную функцию. Ильин стремится восстановить прерванную связь времён, дать читателю опору в пространстве смыслов.

Особо значим в этом контексте подход М.В. Арапова, акцентирующего внимание на двойственной природе архаизмов как элементов, обладающих функциональной переменчивостью. С одной стороны, в современном языке они вытесняются на периферию, теряя активное употребление, с другой — в рамках специализированных и художественных дискурсов обретают вторичную актуальность. В лирике Ильина архаизмы реализуются как функционально мотивированные единицы, выполняющие одновременно экспрессивную, этнокультурную и философскую роли. Они становятся средствами концептуализации таких категорий, как «память», «родина», «вечность», «традиция» и т.д., формируя уникальный код поэтического выражения.

Используя архаизмы, поэт как бы вступает в диалог с предыдущими поэтическими эпохами — от классиков XIX века до символистов и восточных философских поэтов. Это утверждает его участие в *большой литературной традиции*.

Диалектизмы в поэзии Николая Ильина выполняют функцию маркеров культурной аутентичности, отражая связь поэтического языка с локальными речевыми практиками ташкентского региона. Анализ лексических структур с опорой на исследования Г. В. Калиткина, В. Е. Гольдина, Т. И. Вендиной, С. Ю. Неклюдова, Л. Г. Гынгазова и др. позволяет выявить механизмы образования, определяющие специфику лексической организации его поэтики.

Что такое диалектизм? Диалектизм — это языковая единица (лексическая, фонетическая, морфологическая или синтаксическая), присущая определённому территориальному диалекту и отличающаяся от норм литературного языка.

В толковом словаре С. И. Ожегова диалектизм определяется как «слово или оборот речи из какого-либо диалекта, употребляемые в литературном языке».¹²

Понятие «*диалектная культура*» трактуется как культура, присущая носителям диалектной формы национального языка. В частности, в творчестве Николая Ильина диалектная специфика русского языка функционирует как инструмент русско-узбекского поэтического диалога, в рамках которого локальные речевые особенности становятся основой для интеграции и взаимопроникновения культурных кодов.

В международной лингвистике под «диалектом» часто подразумеваются территориальные языковые вариации, охватывающие как сельские, так и городские регионы.¹³

Одной из ключевых форм проявления диалектной культуры выступает диалектный дискурс.

Под «дискурсивной картиной мира» понимается подвижная и динамическая система смыслов, конституируемая в процессе координированного речевого взаимодействия коммуникантов, функционирующая в контексте их ценностных установок, интересов и социальных практик.¹⁴

Г.В. Калиткина подчёркивает, что диалектный дискурс «скреплён смысловыми и семантическими отношениями повседневности», которая задаёт коммуникативно-функциональное единство его текстов. Диалектный дискурс, по её мнению, выступает сферой обыденного смыслополагания, неотделимого от эмоциональных и оценочных установок; диалект же — инструмент

¹² С.И.Ожегов «Словарь русского языка», издание пятое стереотипное, Москва 1963 г. С 159.

¹³ Dialekt 2.0. 7 Kongress der Internationalen gesellschaft fur Dialektologie und Geolinguistik. Wiena, 2012.

¹⁴ Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др.; ред. З.И. Резанова. Томск, 2010. С. 15-84.

интерпретации повседневного опыта.¹⁵ Мы полностью соглашаемся с данной трактовкой, но считаем необходимым расширить рамки анализа, включая в диалектный дискурс не только обыденную разговорную речь, но и эстетически обработанные фольклорные формы — пословицы, былички, присказки, частушки, которые органично интегрируются в повседневную речь и отражают ту же ценностную систему. Такая трактовка коррелирует с концепцией фольклора как коммуникативной формы культуры, репрезентирующей способы существования человека в конкретной социокультурной реальности¹⁶ и др. Диалектный дискурс рассматривается в контексте его включённости в общий спектр дискурсов, реализующих русскую национальную культуру. Современные исследования диалектного дискурса, в рамках обозначенной традиции, преимущественно сосредотачиваются на выявлении принципов сельского речевого бытия, сопоставляя его с городскими формами дискурсивного существования, основанными на литературном языке.¹⁷

Изучая Ильинский диалектный дискурс, мы опираемся на контрастность эволюционности и синхронной парадигмальности как два базовых параметра культурной динамики.¹⁸ В дополнение к этому принимается во внимание онтология типовых практик диалектного дискурса, где выделяются три ключевых признака: (1) локальность, (2) региональность, (3) темпоральность.

Как подчёркивает В.Е. Гольдин, ключевыми характеристиками локальной диалектной культуры являются ограниченность состава сообщества при единстве хозяйственных форм и выраженная ориентация на традицию.¹⁹ В

¹⁵ Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 3.

¹⁶ Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: ЗАО ТИД «Амфора», 2004. С. 43.

¹⁷ Гольдин В.Е. Диалектолог и носитель диалекта: ситуации неполного совпадения информационных баз коммуникантов // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 48

¹⁸ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 824.

¹⁹ Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сб. М., 2002. С. 58-64.

результате деревенские коллективы демонстрируют высокую степень внутреннего единства и устойчивости по сравнению с городским социумом, более подверженным субкультурной фрагментации. Региональность выступает критерием межлокальной дифференциации, задавая специфику речевых практик в рамках более обширного культурного региона. Темпоральность фиксирует динамику диалектного дискурса во времени и позволяет исследовать изменения в содержательной структуре культурных концептов.

Лексическая экспрессия поэтики Ильина в контексте онтологии диалектного дискурса интерпретируется через призму современной лингвокультурологии. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что поэтика Ильина тяготеет к моделям дискурсивной организации, репрезентативным для локализованных форм языкового сознания.

Следуя позиции Г. В. Калиткиной, определяющей диалектный дискурс как коммуникативно-функциональное единство, объединённое на основе устойчивых повседневных смыслов и внутренних семантических связей²⁰, можно утверждать, что поэтическое слово Ильина сохраняет эту дискурсивную клейкость, но выводит её за пределы бытовой речи, эстетически трансформируя повседневные концепты в категориальные формы поэтического осмысления бытия.

Подобная семантическая транспозиция оказывается возможной именно благодаря укоренённости в локально организованной культурной системе, описанной В. Е. Гольдиным как относительно замкнутая, традиционалистская, опирающаяся на устойчивые формы хозяйственного и символического взаимодействия.²¹ Внутри этой системы поэтический язык Ильина наследует не только лексический фонд, но и специфические аксиологические доминанты,

²⁰ Калиткина Г. В. Междисциплинарные области диалектной лингвокультурологии // Сиб. филол. журнал. 2008. №. 3. С. 181-191.

²¹ . Гольдин В. Е. Диалектолог и носитель диалекта: ситуации неполного совпадения информационных баз коммуникантов // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 224-229.

обусловленные ограниченностью социокультурного пространства и единством практик. С этим коррелирует и наблюдение С. Ю. Неклюдова, согласно которому локальность, в отличие от региональности, функционирует как «ячейка общественной жизни»²², обладающая замкнутой структурой и автономными механизмами регуляции смыслов.

В контексте этой культурной замкнутости и репертуарной стабильности особую значимость приобретает тезис Т. И. Вендиной о генерационной стратификации носителей диалектной традиции, согласно которому старшее поколение в большей степени проявляет свойства носителя и транслятора традиционных речевых паттернов.²³ Учитывая, что поэтика Ильина явно апеллирует к архаичным и устойчивым культурным моделям, можно с достаточной степенью уверенности интерпретировать его поэтическую лексику как результат культурной ретрансляции, осуществлённой через внутреннее «памятование» языка старшего поколения местной общины.

Таким образом, лексическое богатство поэтики Ильина не следует понимать лишь как количественное накопление архаизмов, диалектизмов или экспрессивных единиц. Оно представляет собой результат интеграции диалектного дискурсивного мышления в поэтический канон. При этом речь идёт не о простой стилизации, а о глубинной онтологической включённости: каждый диалектизм или фольклорно обусловленная лексема несёт в себе аксиологически значимую информацию, связанную с определённой парадигмой культурного бытия.

Тройственная парадигма локальности, региональности и темпоральности, как показано в ряде современных исследований, задаёт основания для дифференциации и анализа диалектного дискурса. В поэтической практике

²² Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 3-7.

²³ Вендина Т.И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2017. Т. 23. С. 44-49.

Ильина эти параметры не утрачивают своей значимости: локальность проявляется в мотивной и образной структуре текстов, региональность — в использовании лексических единиц, маркирующих определённую геолингвистическую принадлежность, а темпоральность — в исторической глубине речевых форм и нарративах, апеллирующих к доиндустриальной, доурбанистической модели жизни.

Следовательно, поэтическое слово Ильина оказывается формой эстетически преображённой диалектной рефлексии, выражающей культурную и языковую архаику не в виде реликта, а как актуальную когнитивную и аксиологическую структуру, вовлечённую в современный национальный поэтический дискурс. Именно это позволяет утверждать, что лексическая насыщенность и образная сила его поэтики зиждутся на глубоко интериоризированном опыте диалектной культуры, отсылающей к устойчивым формам коллективного сознания и традиционного речевого бытия.

Регионализмы и диалектизмы в поэтике Ильина функционируют как средства локализации поэтического пространства. Их роль не ограничивается обозначением географической привязки текста; они также отражают культурную самоидентификацию автора с конкретной территорией — Ташкентом, Ферганской долиной и, в более широком контексте, всем Узбекистаном.

Диалектизмы в поэзии Ильина представляют собой языковые единицы, отражающие локальную речевую практику и содержащие этнокультурную информацию. Лексемы узбекского происхождения, такие как «джугара», «махалля», «арык», «плов», употребляются в текстах без графического или лексического маркирования и встроены в естественный речевой контекст.

В стихотворении «Я вырос в Ташкенте далёкой поры» автор упоминает «ряды джугары» и «журчанье арыка», при этом образ «прозрачного арыка» используется как элемент метафоризации времени и пространства. Таким образом, локальные реалии становятся компонентами поэтической памяти и

формируют устойчивый лексико-семантический пласт, связанный с образом места.

Диалектизмы в поэзии Ильина также способствуют формированию эффекта лингвистической полифонии. В текстах присутствуют как оригинальные тюркизмы «намаз», «гап» (*Наша среда*), так и адаптированные лексемы, отражающие процессы языкового смешения «обрусел», «обрисились» (*Наша среда*). Эти элементы являются индикаторами лексической гибридизации и функционируют в условиях многоязычной коммуникативной среды.

В творчестве Ильина неологизмы выступают как проявление авторской языковой игры. Неологизм (от греч. néos — «новый» и lógos — «слово») — это лексическая единица, недавно вошедшая в язык и ещё не закрепившаяся в общеупотребительной норме.

С. И. Ожегов определяет неологизм так: «Неологизм, -а. м. Новое слово или выражение, а также новое значение старого слово».²⁴

Особый пласт лексики Ильина составляют индивидуально-авторские неологизмы, возникающие как результат морфологического и семантического переосмысления.

Ильин не просто играет с морфемами — он формирует новый поэтический словарь, в котором лексика отражает процессы межкультурной интеграции. В стихотворении «Айкор – яблочная вселенная» создаётся концепт «яблочной вселенной» — пространственно-вкусовой образ, где яблоко становится культурным архетипом, источником запаха, света и даже молока: «*И сам Млечный путь отдаёт молоком*». Эта семантическая экспансия создаёт эффект метафорической синестезии, типичной для современного лирического неологизма.

Поэт последовательно нарушает границы стандартной лексики, стремясь не к описанию, а к языковому изобретению мира. В его текстах формируется

²⁴ С.И.Ожегов «Словарь русского языка», издание пятое стереотипное, Москва 1963 г. С 396.

собственная онтология — пространство, где можно «перепловиться», «пропахнуть яблоками», где «яблочный цвет» обозначает свет луны, а «силуэт» обретает метафорическое звучание.

Лексема «перепловиться» образована по модели глаголов с приставкой пере- и суффиксом -иться; в современном русском языке такое слово отсутствует. Вероятное значение — «переродиться», «измениться» через внутренний поток, возможно, воды или времени. Тип данного неологизма — поэтический глагольный неологизм. Он передаёт состояние трансформации, эмоционального перехлёста, перетекания бытия и создаёт в произведении образ эффекта, связанный с течением, переливом и сменой состояний.

Образно-метафорическое словосочетание «яблочный цвет луны» (неологизм синтаксического порядка) представляет собой необычное сближение понятий из разных семантических сфер (яблоня, цвет, плод - астральное тело). Оно выполняет функцию оживления небесного явления через его привязку к земному и ароматному и создаёт эффект синестезии — визуального и вкусообразительного восприятия луны как цветущего плода.

Языковая игра, согласно мнению современных лингвистов, представляет собой лингвокреативный феномен, получивший всестороннее освещение в контексте анализа художественной литературы, публицистического дискурса и медиатекста рекламной направленности.²⁵ Каждая из названных сфер обладает спецификой в репертуаре игровых языковых механизмов, что предопределяет вариативность их реализации. Одним из центральных приёмов языковой игры в художественном дискурсе признаются авторские неологизмы, представляющие собой проявление продуктивной деривационной активности и языковой свободы, свойственной современным художественным текстам. Указанная свобода соотносится с глобальной тенденцией общеязыковой динамизации,

²⁵ Амири Л.П., Ильясова С.В. Языковая игра в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. - М., 2011.

предполагающей размывание жёстких границ между нормативным и креативным языковым употреблением.

Как отмечает Ю.В. Норман, в большинстве случаев языковая игра реализуется как коммуникативная стратегия, нацеленная на развлечение адресата, создание атмосферы лёгкости, остроумия и экспрессивного разрыва ожиданий: «сплошь и рядом языковая игра нацелена на то, чтобы просто позабавить собеседника». ²⁶ Генерация комического эффекта обусловлена как стилистической маркированностью лексических основ, так и их неожиданным, зачастую антонимическим или каламбурным совмещением в структуре сложных слов.

Принцип каламбурного наложения реализуется и в гибридных образованиях, отличающихся созвучием с узуальной лексикой, но приобретающих иную семантическую нагрузку за счёт нестандартного сочленения морфем. Ярким примером такого рода являются авторские неологизмы Н. Ильина — «*обрисились*», «*перепловился*», в которых происходит фонетико-семантическое совмещение лексем, создающее многослойный комический и оценочный эффект. Подобные образования, выступающие в роли квазисловесных конструкций, становятся инструментами концептуальной игры и средством тонкой речевой иронии.

Через метафору «*полузавядший лепесток луны*» в стихотворении (С небес упав сорвавшийся листочек...), сочетающую астрономическое и ботаническое значения, Ильин представляет луну как умирающий цветок. Это — поэтическое метафорическое расширение, придающее образу эмоциональную окрашенность и выражающее тонкий лиризм, эффект умирающей красоты. «*Густо-мякотные листья*» — авторское словосочетание с неологизмом «*мякотные*», где существительное «мякоть» трансформировано в прилагательное. Этот неологизм подчёркивает плотность, зрелость и

²⁶ Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. - М., 2006. С. 8.

насыщенность листвы. «Желтокрылая армия» — сложное прилагательное с яркой метафорической функцией: осень представлена как наступление «золотых полков». «Предосеннее монисто» — оригинальное словосочетание, в котором слово *монисто* (украшение) приобретает символическое значение осеннего убранства листвы;

«Жаркий лебедь» (о лете) — метафора, в которой слово *жаркий* получает дополнительное поэтическое значение: оно обозначает не только температуру, но и интенсивность и эмоциональную насыщенность уходящего лета.

К семантическим неологизмам Ильина относятся случаи переосмысления привычных слов: «Август мыслит вслух» — здесь происходит персонификация месяца, при которой глагол «мыслит» обретает метафорический, поэтический смысл; «Сентябрь провидит букет» — слово «провидит» употреблено не в религиозном, а в эстетическом и природном контексте. Оно становится поэтическим неологизмом, выражающим способность месяца формировать образ осени, «предвидеть» её краски.

Метатетические неологизмы Ильина, как, например, в «*то́трáчас*» или «*тридражение*», воссоздают интонационно-фонетическое пространство, приближенное к структурам восточной поэтики, где ценится не столько логико-семантическая прозрачность, сколько ритмическо-образное мерцание. Эти формы не только деконструируют синтаксическую линейность, но и создают эффект смысловой перетекания — от русского словоупотребления к восточной образности, от грамматического порядка к эмпатической волне восприятия.

Таким образом, в поэтическом языке Ильина неологизм выполняет миссию межкультурного посредника. Его тексты функционируют как транслингвальные практики, в которых русская языковая норма подвергается деформации и переосмыслению на фоне восточной поэтической традиции. В этом смысле лексическое новаторство поэта можно рассматривать как разновидность «интерлингвистической герменевтики», где каждый авторский

неологизм становится актом смысловой гибридизации и формирует поле перекрестного культурного резонанса.

Лексическое многообразие поэзии Н. Д. Ильина обусловлено не только художественным мастерством, но и выражает его культурно-языковую позицию. Архаизмы маркируют связь с русской литературной традицией и конституируют образ памяти; диалектизмы и тюркизмы отражают глубокую инкультурацию в узбекскую социокультурную среду; неологизмы расширяют пространство языковой игры и метафизической рефлексии. В совокупности данные элементы формируют многоуровневую, семантически насыщенную поэтическую речь, репрезентирующую современную русскоязычную литературу Узбекистана.

Изучение архаизмов, диалектизмов, тюркизмов и неологизмов в негосударственном высшем образовательном учреждении ALFRAGANUS UNIVERSITY на примере художественных текстов Н. Ильина способствует расширению лексического запаса и знакомству с различными слоями языка — от исторически устаревших форм до современных творческих инноваций. Диалектизмы и тюркизмы в поэзии Ильина отражают особенности узбекской социокультурной среды, что способствует формированию у обучающихся понимания культурной и языковой специфики региона, а также развитию уважения к языковому и культурному многообразию. Анализ лексических средств, их функциональной и стилистической нагрузки способствует развитию у студентов навыков литературного анализа и критического осмысления текста.

Изучение архаизмов позволяет осознать преемственность и эволюцию литературных традиций, тогда как неологизмы демонстрируют динамичность и современность языка как инструмента художественного выражения. Неологизмы и нестандартные лексические сочетания в поэзии Ильина стимулируют творческое воображение и способствуют развитию письменной речи, вдохновляя на создание собственных художественных текстов.

Многоуровневое и семантически насыщенное языковое пространство поэзии Ильина делает учебный процесс по русской литературе более

содержательным и разнообразным, что повышает мотивацию студентов к активному участию и углубленному изучению предмета.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова А.В. Межкультурная коммуникативная компетенция как цель обучения иностранным языкам в языковом вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 121-125.
2. Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. – М.: URSS, 2007. С. 48.
3. Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1985. С. 349.
4. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. С. 260.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 284.
6. Толстова Е.В. Отражение национального менталитета в немецком языке и его воспитательный потенциал // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 2. – С. 284 – 287.
7. Первая тетрадь. Ташкент: Янги аср авлоди, 2004. Сборник стихотворений, - 61 с. С. 6.
8. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отдел. Л-ры и языка. 1940. № 3. С. 89-117.
9. Арапов М.В. Пассивный словарь // Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 369 с. С. 110-111.
10. Черняк В.Д. Агнони́мы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. М.: Азбуковник, 2003. С. 295-304. 400 с.
11. Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1973. 290 с.

12. С.И.Ожегов «Словарь русского языка», издание пятое стереотипное, Москва 1963 г. С 159.
13. Dialekt 2.0. 7 Kongress der Internationalen gesellschaft fur Dialektologie und Geolingvistik. Wiena, 2012.
14. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др.; ред. З.И. Резанова. Томск, 2010. С. 15-84.
15. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 3.
16. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: ЗАО ТИД «Амфора», 2004. С. 43.
17. Гольдин В.Е. Диалектолог и носитель диалекта: ситуации неполного совпадения информационных баз коммуникантов // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 48.
18. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 824.
19. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аване-совский сб. М., 2002. С. 58-64.
20. Калиткина Г.В. Междисциплинарные области диалектной лингвокультурологии // Сиб. филол. журнал. 2008. №. 3. С. 181-191.
21. Гольдин В.Е. Диалектолог и носитель диалекта: ситуации неполного совпадения информационных баз коммуникантов // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 224-229.
22. Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 3-7.
23. Вендина Т.И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2017. Т. 23. С. 44-49.
24. С.И.Ожегов «Словарь русского языка», издание пятое стереотипное, Москва 1963 г. С 396.

25. Амири Л.П., Ильясова С.В. Языковая игра в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. - М., 2011.
26. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. - М., 2006. С. 8.